

Добровольский А. В.

Сибирь в стратегии и тактике ЦК партии эсеров (1917–1922 гг.)

Электронный журнал «Сибирская Заимка» №1, 2004.

Адрес этого документа: http://www.zaimka.ru/01_2004/dobrovolsky_sr/

Печатный аналог: Добровольский А. В. Сибирь в стратегии и тактике ЦК партии эсеров (1917–1922 гг.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 48–54.

Публикуется с согласия редакции сборника.

Отдельные аспекты этой темы отражены в работах В. В. Гармизы, Г. З. Иоффе[1].

Основными источниками по обозначенной проблеме являются протоколы заседаний Центрального комитета Партии социалистов-революционеров (ПСР), директивные и информационные письма высшего руководящего органа эсеров в адрес сибирских организаций, их немногочисленные отчеты о своей деятельности в этот период.

После Февральской революции 1917 г. партия эсеров в считанные дни превратилась в активную и многочисленную общественно-политическую силу России. По подсчетам Э. И. Черняка, летом 1917 г. на территории Сибири действовало около 250 эсеровских организаций разного уровня с общей численностью 11–12 тыс. членов (без Омска и массы других мелких организаций)[2]. Эсеры первыми начали организационное оформление своих руководящих органов, создав губернские (областные) комитеты партии.

Сибирские организации ПСР приняли самое активное участие в подготовке и проведении выборов в Учредительное собрание. Все губернские организации, за исключением Тобольской, включили в избирательные списки кандидатов, рекомендованных центральными органами партии. В ноябре — декабре 1917 г. население Сибири отдало свои голоса социалистам-революционерам. Мандаты членов Учредительного собрания от Сибири получили 38 членов ПСР, в том числе 6 человек, утвержденных постановлением VII Совета партии (В. В. Руднев, Е. Ф. Роговский, М. И. Левин — от Алтайской губернии; В. В. Сухомлин — Томской; Е. Е. Колосов — Енисейской; В. Г. Архангельский — Иркутской)[3].

В начале 1918 г. ЦК партии эсеров главные надежды в борьбе с большевизмом возлагал на Поволжье. Этот регион был выбран в силу удобного географического положения, сильного партийного влияния (на выборах в Учредительное собрание ПСР получила от 80 до 100 % всех

мандатов), антибольшевистских настроений среди населения после разгона Учредительного собрания и заключения Брестского мира[4]. Вместе с тем, ЦК ПСР стал проявлять повышенное внимание и к Сибири. Представители ЦК приняли участие в работе I Всесибирской конференции (апрель 1918 г.), где было организационно оформлено Всесибирское объединение, избран краевой комитет партии эсеров. На VIII Совете партии (7–16 мая) от Сибири присутствовало 5 делегатов: от Томской губернской организации — А. П. Лисиенко, Енисейской и Забайкалья — Е. Ф. Роговской, Акмолинской — С. А. Панов, Иркутской — В. Г. Дистлер. Правом совещательного голоса от Сибирской областной конференции ПСР был наделен А. Львов[5].

В середине мая 1918 г. ЦК ПСР два раза обсуждал вопрос о направлении в Сибирь официального представителя. В результате решили командировать Н. Д. Авксентьева «для руководства политической работой фракции партии в Сибирском Временном правительстве и содействии планомерной постановке партийной работы в крае; руководство внутренней и внешней политикой Временного Сибирского правительства в духе решений VIII Совета партии С.-р...»[6]. На него же возлагалось сношение с представителями союзных держав «с осведомительными» целями. После успешного выступления чехословацких легионеров ЦК партии эсеров предложил В. М. Чернову срочно выехать в Поволжье, рекомендовал бюро фракции Учредительного собрания командировать своих членов в восточные регионы страны.

8 июня 1918 г. в Самаре был образован Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Политическая программа Комуча полностью соответствовала партийной программе эсеров[7]. Восторженные отклики сибирских газет по поводу рождения в Самаре «эмбриона» общероссийской власти не вызвали положительных эмоций в стане правых военно-монархических кругов. Попытки самарских эсеров «привлечь общественные силы Сибири к работе по осуществлению идеи, проводимой комитетом членов Учредительного собрания», резко обострили отношения между Временным сибирским правительством и Комучем[8]. Ситуация еще больше накалилась, когда 10 августа 1918 г. Центральный комитет ПСР объявил Самару местом своего пребывания. В циркуляре от 22 августа 1918 г. ЦК требовал неукоснительного исполнения всех партийных решений, обязал партийные комитеты предоставить отчеты о своей деятельности, привезти «по 3 экземпляра всех партийных изданий, а также издания местных властей (приказы, возвзвания и др.)»[9]. С конца августа 1918 г. эсеровские газеты Сибири значительно увеличили количество публикаций, посвященных как партийным проблемам, так и освещению деятельности Самарского Комуча. Это стало еще одной причиной

дальнейшей поляризации и осложнения взаимоотношений руководства сибирских эсеров с правящими кругами. Правые силы стали обвинять эсеров, что они действуют по указке ЦК.

В целом же можно констатировать, что в период «демократической» контрреволюции ЦК партии эсеров почти не занимался сибирскими организациями социалистов-революционеров. Все вопросы организационного и политического характера были возложены на специальный орган — делегацию ЦК ПСР на территории Сибири и Урала. В это время ЦК эсеров основное внимание уделял Самарскому Комучу, занимался конструированием всероссийской власти.

На Уфимском государственном совещании (8–23 сентября 1918 г.), создавшем Всероссийское временное правительство (Директорию), сибирские эсеры (в составе делегации Сибирской областной думы), полностью поддерживали линию ЦК ПСР. Социалисты предлагали созвать разогнанное Учредительное собрание, создать правительство, ответственное перед Учредительным собранием, категорически отвергали единоличную форму правления[10].

За государственными делами общероссийского масштаба сибирские эсеры допустили укрепление позиций правой кадетско-монархической части во Временном сибирском правительстве, проголосовали за прекращение заседаний, а потом и самороспуск Сибирской областной думы, смирились с преследованием и даже физической расправой над членами своей партии. Оценка этих событий запоздало прозвучала на I Всесибирском съезде членов ПСР (октябрь 1918 г.), а ЦК ПСР так и не подал свой голос в защиту своих партийцев.

Печальную судьбу в истории Сибири сыграло обращение ЦК ПСР ко всем партийным организациям от 22 октября 1918 г., составленное В. М. Черновым. В нем Директории обещали условную поддержку, но в то же время писали, что «все силы партии в настоящий момент должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены с тем, чтобы в любой момент быть готовыми выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевистского фронта»[11]. «Лучшего подарка, — писал позднее Н. Д. Авксентьев, — реакция ждать не могла»[12]. Это письмо было представлено кругами бывшего Сибирского правительства как призыв к вооруженному восстанию и использовано как предлог для свержения Директории.

Военный переворот 18 ноября 1918 г. и установление диктатуры Колчака превратили социалистов-революционеров на территории Сибири в нелегальную партию. В первые месяцы новой власти руководящие органы эсеров, особенно местные партийные структуры, проявили полную

растерянность и нерешительность. Россия оказалась поделенной фронтами на целый ряд обособленных районов, связи местных партийных организаций с ЦК стали крайне затрудненными. Оторванность от центра отдельных групп, — констатировал ЦК ПСР, — при сложной политической обстановке, в которую они попадали, и при остроте политических кризисов, переживающих различными территориями, заставляли эти группы, как и отдельных деятелей партии, принимать ответственные решения за свой риск и страх[13]. При имеющих место расхождениях и идейных разногласиях действия местных организаций социалистов-революционеров порой не совпадали с линией Центрального комитета.

Руководящие директивы ЦК поступили в Сибирь только через полгода. Апрельский пленум ЦК ПСР (1919 г.) утвердил тезисы по текущему моменту. В апреле — мае Центральный комитет попытался еще раз конкретизировать свои позиции, пояснить смысл «новой» тактики партии эсеров. Партийным организациям было направлено информационное письмо, в котором тезисно излагалась линия партии по основным вопросам дня: внешняя политика партии, ее социально-экономическая платформа, отношение к большевистской власти и буржуазной контрреволюции[14].

В мае 1919 г. специальный курьер ЦК доставил в Сибирь эти материалы с отдельным сопроводительным письмом под заглавием «К товарищам-сибирякам». В начале письма указывалось, что эти тезисы являются выражением взглядов как самого ЦК, так и февральской конференции представителей организаций Партии социалистов-революционеров на территории Советской России и мартовского совещания партийных организаций юга России. «Руководящая идея тезисов, — писалось далее, — это идея демократии как третьей силы, которая должна вести борьбу обязательно на два фронта против всякой диктатуры и за подлинное народоправие, народовластие. Отсюда вывод — партия С.-р. ни в коем случае не может солидаризироваться с большевиками против колчаковщины или иных проявлений реакции и с Колчаком против большевиков»[15]. ЦК рекомендовал своим организациям «приостановить военную кампанию» против Советской власти и целиком заняться пропагандистской работой в массах. В седьмом пункте, касающемся тактики эсеровских организаций на территории Сибири и Заволжья, ЦК партии прямо указывал: «Активная борьба демократии в Сибири с колчаковщиной открывает возможность для партии С.-р. и более активной борьбы в Великороссии с большевиками». Сибирским организациям ПСР рекомендовалось выступать самостоятельно, вести вооруженную борьбу против Колчака лишь в том случае, «если свержение Колчака откроет нам снова возможность утвердить фронт Учредительного собрания против фронта Красной армии»[16].

На IX Совете ПСР (18–20 июня 1919 г.) единственный представитель Сибири присутствовал без права решающего голоса. В листке «Дело народа» ЦК партии информировал, что все резолюции Совета были приняты единогласно при 1 воздержавшемся. «Если при этом вспомнить, — писалось далее, — что принятые решения в общем совпадают с решениями партийной Сибирско-Уральской конференции, то сомнений в идейном единстве партии быть не может»[17]. Резолюции сибирской конференции (апрель 1919 г.) позволяют нам сделать вывод, что тактика правоэсеровского руководства Всесибирского краевого комитета в целом соответствовала линии Центрального комитета ПСР[18].

Ряд фактов позволяют предположить, что в этот период ЦК ПСР не располагал объективной информацией о положении дел в сибирских организациях ПСР. Так в июне 1919 г. Сибкрайком направил в губернские организации письмо, в котором говорилось, что на территории Сибири он принимает на себя всю работу «директивного, руководящего и практического характера». На заседании ЦК ПСР 14 августа 1919 г. было принято решение направить в Сибирь резолюции IX Совета партии и специальное письмо, «поясняющее настоящую политическую позицию ЦК»[19]. На следующем заседании (23 августа) ЦК утвердил текст сопроводительного письма, в котором было записано, что «единственным руководителем партийной работы в Сибири ЦК признает „Сибурком“», созданный на Сибирско-Уральской конференции в апреле 1919 г.[20] Таким образом, ЦК принял решение, которое уже не отражало реалии жизни. Он возлагал надежды на орган, который оказался не способным выполнить задачи и функции, возложенные на него общесибирской конференцией. В этом же письме ЦК предложил Сибуркуму немедленно разобраться с рядом товарищей «в силу двусмысленного поведения [их] по отношению к колчаковскому перевороту, очистить ряды партии от элементов, ее позорящих, не обращая внимания на прошлое отдельных лиц. В частности, расследовать поведение ряда отдельных товарищей (П., К., Т., Ф., Т.-К., Л.)»[21].

Осень 1919 г. внесла существенные корректизы в планы и намерения эсеров. Стремительное наступление Красной армии надолго прервало связь с Москвой, заставило эсеров Сибири вновь определять тактику в условиях крушения колчаковского режима. В сентябре 1919 г. большинство членов краевого комитета, а также членов делегации ЦК ПСР на территории Сибири и Урала перебазировались в Иркутск. В Сибирь прибыли начальник военной комиссии ЦК ПСР. В. В. Соколов, член кооперативной комиссии ЦК. К. И. Словянский[22]. Краевой комитет ПСР сумел правильно оценить политическую ситуацию, своевременно отошел от тактики «третьей силы», что позволило ему перехватить инициативу земцев и левоцентристов,

возглавить формирующуюся земско-социалистическую оппозицию. Созыв земского совещания (октябрь), создание Политического центра (ноябрь — декабрь) было проведено без прямого участия ЦК ПСР. С сентября по ноябрь 1919 г. ЦК ПСР ни разу не касался сибирских вопросов. На краевой конференции ПСР (Иркутск, 22 октября 1919 г.) в состав Всесибирского краевого комитета были избраны члены ЦК. Ф. Ф. Федорович и Л. Я. Гернштейн. В Сибкрайкоме была выделена «диктаторская пятерка», на которую возлагалось непосредственная подготовка антиколчаковского переворота[23].

24 декабря 1919 г. Политический центр поднял восстание в Иркутске, закончившееся 5 января 1920 г. победой повстанцев. Политцентр опубликовал манифест, в котором объявил о взятии власти в свои руки, о намерении начать переговоры с Советским правительством о самоуправлении областей, освобожденных от реакции. 7 января 1920 г. делегация Политцентра выехала навстречу частям 5-й Красной армии. Переговоры начались в Томске 19 января[24].

Сообщение о низвержении колчаковского режима ЦК партии эсеров получил с большим опозданием. Информация «О свержении правительства Колчака сибирскими организациями партии» была заслушано на заседании ЦК 14 января 1920 г. Принятое решение предписывало опубликовать по этому поводу официальное сообщение, в котором «вкратце дать очерк борьбы ПСР против колчаковщины»[25]. Сообщение ЦК поручили составить Е. М. Тимофееву.

18 января 1920 г. ЦК ПСР направил всем организациям партии письмо, в котором говорилось, что «колчаковский режим, не признанный ни на Западе, ни в России, пал, и последний удар нанесен ему силами нашей партии — Партии социалистов-революционеров»[26].

На следующий день ЦК ПСР рассматривал «предложение Е. М.» (псевдоним Е. М. Тимофеева — А. Д.) о переговорах с Советской властью по вопросу о Сибирской республике. В основу платформы для переговоров было решено положить «независимость Сибирской республики с принятием на себя обязательств по ликвидации контрреволюции на Дальнем Востоке»[27].

Но решение ЦК ПСР от 19 января 1920 г. уже не играло никакой роли, так как в этот день начались переговоры делегации Политцентра с представителями Советской власти. В ночь на 20 января 1920 г. в Томске были подписаны предварительные условия соглашения с Политцентром, которые в главных моментах сводились к признанию необходимости образования государства-буфера с границей по рекам Ока и Ангара. Политцентр обязался передать советским властям золотой запас и бывшего

Верховного правителя вместе со штабом[28]. Но последующие события в Иркутске серьезно скорректировали планы и намерения договаривающихся сторон. Под нажимом местных большевиков, пользующихся поддержкой значительной части населения, Политцентр подписал 22 января акт передачи принадлежащей ему государственной власти Военно-революционному комитету[29]. ВРК принял на себя обязательство передать власть Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Власть в Иркутске уже была сдана большевикам, когда ЦК ПСР получил сообщение о начале мирных переговоров. На заседании 25 января 1920 г. была заслушана информация Е. М. Тимофеева о сибирских делах и согласован текст телеграммы в адрес делегации правительства Восточной Сибири. ЦК постановил полностью опубликовать резолюцию, определяющую его позиции к Восточно-Сибирскому перевороту. В основу партийной резолюции были положены принципы, что ЦК ПСР:

1. находит целесообразным основание Восточно-Сибирской республики;
2. солидаризуется с основными положениями декларации «Политического центра», отвергшего диктатуру Колчака;
3. находит вполне допустимым для членов ПСР вхождение в правительство, основанное на данной декларации;
4. придает «исключительное внимание не составу, а платформе и направлению деятельности правительства»[30].

Официальное «Извещение» ЦК партии эсеров о революционном перевороте в Сибири появилось в центральных газетах лишь 28 января 1920 г. ЦК выразил глубокое моральное удовлетворение по поводу событий на Востоке, усматривая в них осуществление в жизни решений IX Совета партии, и горячо приветствовал товарищем, «сумевших выполнить долг чести партии по отношению к Сибири и правительству Колчака, предательски задушившему в Поволжье, Урале и Сибири дело Учредительного собрания»[31]. ЦК ПСР выразил полную солидарность с общим духом социально-экономической программы временной власти, приветствовал образование государства-буфера как «будущую органическую составную часть Единой Федеративной Российской Демократической Республики», разрешил членам партии эсеров участие в социалистическом правительстве.

2 февраля 1920 г. секретарь ЦК ПСР. Е. М. Тимофеев подготовил секретарю ВЦИК РСФСР письменный запрос по поводу задержки корреспонденции из Сибири. Ситуация рассматривалась на заседании ЦК 5 февраля. В принятом решении поручили секретариату «препроводить секретарю В. Ц. И.К. резолюцию ЦК о Сибирских событиях с предложением передать эту

резолюцию по телефону Сибирскому областному комитету ПСР»[32]. Но рекомендации и резолюции ЦК Политцентру уже были не нужны. Политцентр сошел с арены общественно-политической жизни, так и не сыграв той исторической роли, которую прочили ему сибирские эсеры и меньшевики.

В середине февраля 1920 г. секретарь ЦК Е. М. Тимофеев обратился с письмом к сибирским губернским комитетам ПСР. Начиналось оно следующими словами: «В настоящем письме ЦК воздерживается от всяких дополнительных инструкций для Вас, ибо он плохо ориентирован в сибирской жизни. Однако ЦК полагает, что при активности и достаточной энергии и на основе лишь принципиальных решений IX Совета и общих директив ЦК можно сделать многое. Блестящее выступление товарищей в Восточной Сибири против Колчака, — выступление, которым всегда будет гордиться наша партия, — ярко это доказывает»[33]. В письме напоминалось о требовании ЦК «очистить партийные организации от тех лиц, кто замарал себя в колчаковских делах», о твердости позиций социалистов-революционеров по отношению к большевикам, «сейчас заигрывающих с Сибирью», о посылке делегатов на X Совет партии. ЦК просил направить делегата для установления связи с центром, наладить доставку местных газет и другой печатной продукции, изданной «организациями за время колчаковщины и после нее»[34].

Угроза военного конфликта с Японией побудила ЦК РКП(б) и Советское правительство использовать идею Политцентра о создании буферного государственного образования на Дальнем Востоке. Всесибирский краевой комитет ПСР выдвинул ряд условий, при которых социалисты-революционеры Сибири могли бы поддержать идею государства-буфера, принять участие в формировании коалиционных органов власти. Эти условия были изложены в постановлении Сибкрайкома «Основные положения по вопросу об образовании буферного государства» (март 1920 г.). Большевистская концепция целиком не совпадала с подходами, выработанными ранее ЦК ПСР и Всесибирским краевым комитетом. В связи с этим Сибкрайком принял решение отклонить «предложение представителей Советской власти о создании временной буферной государственности в Восточной Сибири на условиях, выдвигаемых этими представителями», так как, по их мнению, территориальные границы и объем предоставляемых прав не могут обеспечить самостоятельность нового государственного образования[35].

В марте 1920 г. эсер В. М. Коногов — член Учредительного собрания, представитель мирной делегации Политцентра — прибыл в Москву и отчитался о действиях сибирских организаций на совместном заседании

ЦК Партии социалистов-революционеров и меньшевиков, на котором присутствовали В. М. Чернов и О. Ю. Мартов[36].

Центральный комитет ПСР 6 марта 1920 г. принял специальную резолюцию «По сибирским вопросам». ЦК одобрил общую политическую линию, занятую руководящими партийными органами Сибири в период борьбы с колчаковским режимом. В постановлении записано: «Считать, что одной только ликвидацией колчаковщины товарищи в Сибири выполнили уже основное задание, поставленное перед ними IX Советом партии»[37]. ЦК признал правильным действия Политцентра, осуществившего передачу власти местным коммунистам, возложив на них всю ответственность за последствия «их авантюристической политики». ЦК признал «политически правильным и целесообразным» позицию Сибкрайкома по вопросу об образовании из Восточной Сибири и Дальнего Востока независимого демократического государства-буфера, одобрил отказ сибирских эсеров принять участие в его создании на тех условиях, которые предложило Советское правительство.

В области организационно-партийной работы ЦК ПСР принял решение упразднить самостоятельную делегацию ЦК на территории Сибири и Урала и предложил членам ЦК, находящимся в Сибири, работать в составе краевого комитета ПСР. Последний пункт резолюции гласил: «Наставивать на установлении Сибирским краевым комитетом более частых и более регулярных сношений с ЦК»[38].

В резолюции «По сибирским вопросам» ЦК утвердил решение сибирской делегации об исключении из партии В. С. Панкратова. В свое время М. Е. Плотникова отмечала, что немногочисленные голоса об исключении из партии эсеров лиц, находившихся на службе у Колчака, раздались после восстановления Советской власти в Сибири[39]. Но история исключения из партии В. С. Панкратова началась еще в колчаковский период. В связи с тем, что из ПСР был исключен такой видный партийный деятель с большим дореволюционным стажем, как В. С. Панкратов, и его исключение было одним из немногих персональных дел, доведенных в партии эсеров до конца, есть смысл остановиться на этом более подробно.

Василий Семенович Панкратов родился в 1864 г. в Тверской губернии в семье рабочего. После окончания технического училища работал на заводах Коломна и Твери. В июле 1880 г. он перебрался в Петербург, где познакомился с народовольцами. В 1882 г. стал членом южно-русской боевой организации «Народная воля» (Ростов-на-Дону). В марте 1884 г. В. С. Панкратов оказал вооруженное сопротивление полиции и за принадлежность к террористической организации был приговорен Киевским военно-окружным судом к смертной казни («процесс 12»).

Смертная казнь была заменена 20-летней каторгой. Почти 5 лет содержался в Шлиссельбургской крепости, затем отправлен на поселение в Вилюйск, потом в Якутск[40].

Осенью 1903 г. В. С. Панкратов нелегально вернулся в европейскую часть России, вступил в Партию социалистов-революционеров, через год был кооптирован в состав ЦК[41]. В 1905 г. он принимал активное участие в Московском вооруженном восстании, с апреля 1907 г. входил в комитет Центральной областной организации партии эсеров, возглавлял летучий боевой отряд. В мае 1907 г. вновь арестован, выслан на 5 лет в Якутск. В Советом ПСР (1909 г.) вновь заочно избран в состав ЦК. В 1912 г. вернулся в Петербург, находился под негласным наблюдением полиции. Во время I мировой войны вместе с Л. В. Бурцевым основал патриотическое «Общество 1914 года».

После Февральской революции В. С. Панкратов безоговорочно поддержал новую власть, примыкал к правому крылу партии эсеров. В августе 1917 г. Временное правительство назначило В. С. Панкратова комиссаром по охране семьи бывшего императора Николая II. В ноябре 1917 г. он был избран членом Учредительного собрания по списку ПСР от Якутского избирательного округа[42]. В 1918 г. принимал участие в работе Уфимского государственного совещания. Таков был жизненный путь В. С. Панкратова до колчаковского переворота.

В Сибири персональным делом В. С. Панкратова занималась специальная партийная комиссия. По итогам расследования в октябре 1919 г. была принята резолюция делегации ЦК ПСР на территории Сибири и Урала. В констатирующей части ее записано, что после государственного переворота 18 ноября 1918 г. В. С. Панкратов вошел в состав редакции газеты «Заря», которая «была лейб-органом реставрационно-реакционной власти Колчака, которая и до сих пор является органом, всемерно поддерживающим эту власть, несмотря на вполне определившуюся ее антидемократическую сущность»[43]. По определению вышеуказанной комиссии, газета «Заря» вела и продолжает вести пропаганду, «враждебную не только политике ПСР, комитета и Съезда Членов Учредительного Собрания, но и интересам российской демократии вообще».

В начале 1919 г. В. С. Панкратов написал открытое письмо, в котором «клеветнически обвинил ЦК в том, что он вступил в договорные отношения с погубившими нашу Родину большевиками»[44]. При этом следственная комиссия ссылалась на резолюцию ЦК ПСР от 10 декабря 1918 г., в которой была изложена позиция ЦК о необходимости борьбы на оба фронта: как против реакции сибирской, так и против реакции большевистской[45]. В письме Панкратова, по определению комиссии, содержался «призыв

к расколу ПСР», к созданию в недрах партии особой организации социалистов-революционеров, разделяющих его политическое кредо. Далее В. С. Панкратов дошел до того, отмечалось в отдельном пункте резолюции, что в одной из своих статей попытался «преступным поведением отдельных членов партии — Вольского, Святыцкого и Шмелева — оправдать кошмарное злодеяние, совершенное под эгидой колчаковской власти — убийство после нечеловеческих истязаний членов ПСР — Н. В. Фомина, И. И. Девятого и других».

В вину Панкратову было поставлено и то, что он ввел в заблуждение мировую общественность относительно ситуации в Сибири. В газете «Заря» были опубликованы телеграммы на имя Н. Н. Иванова, Е. К. Брешко-Брешковской, в которых он старался описать колчаковскую власть как «власть, несущую демократические возможности для русской государственности»[46]. По заключению комиссии, этим В. С. Панкратов нанес «существенный, непоправимый вред делу демократии внутри России».

На основании партийного расследования делегация ЦК на территории Сибири и Урала постановила исключить В. С. Панкратова из Сибирско-Уральского объединения ПСР, внесла предложение в ЦК об исключении его из Партии социалистов-революционеров. Вышеуказанная резолюция была разослана по всем эсеровским организациям Сибири 11 ноября 1919 г.

Анализ протоколов заседаний ЦК ПСР за последующий период (конец 1919–1920 гг.) позволяет предположить, что Центральный комитет партии эсеров использовал этот факт скорее всего в популистских целях. С одной стороны, ЦК ПСР якобы проявил решительность в борьбе против антинародного колчаковского режима и его сторонников; с другой стороны, ЦК использовал этот факт в назидание другим членам, исключив из партии видного деятеля, бывшего члена ЦК.

ЦК партии эсеров несколько раз возвращался к этому вопросу. В информационном письме «Ко всем организациям партии» от 18 января 1920 г. сообщалось: «ЦК было предписано исключить из партии всех тех, кто в какой бы то ни было степени консолидировался с правительством Колчака, как в момент переворота им произведенного, так и после него»[47]. В письме губернским комитетам Сибири от 17 февраля 1920 г. секретарь ЦК ПСР Е. М. Тимофеев вновь напомнил о требовании ЦК «очистить партийные организации от тех лиц, кто замарал себя в колчаковских делах»[48]. В резолюции «По сибирским вопросам» от 6 марта 1920 г. ЦК ПСР еще раз рекомендовал Сибрайкому исключить из партии всех лиц, поддержавших колчаковский режим. Но как объективно заметили сами эсеры, из всей этой кампании многое осталось

нереализованным. Нами не выявлены материалы о расследовании действий других видных членов партии эсеров, указанных в постановлении ЦК ПСР от 23 августа 1919 г. Без партийного наказания остались лидеры местных эсеров, активно сотрудничавшие с колчаковской властью. Например, в Иркутской губернии эсеры занимали все крупные административные посты: губернский комиссар П. Д. Яковлев, комиссар труда С. М. Третьяк. Председателем Иркутской земской управы был эсер И. Х. Петелин, его помощником — М. А. Кроль (депутат Учредительного собрания), городским головой — А. Н. Кругликов (депутат Учредительного собрания), председателем городской думы — П. В. Зицерман[49]. Несмотря на приверженность идеям народовластия, все они имели прямое отношение к карательным экспедициям против населения Иркутской губернии и смежных областей.

Резолюция ЦК ПСР от 6 марта 1920 г. была последним документом ЦК, касающимся деятельности социалистов-революционеров Сибири. В марте — апреле 1920 г. сибирские организации ПСР были официально запрещены декретами Советской власти (кроме Иркутска). Назначенный на 1 июля 1920 г. съезд социалистов-революционеров Сибири не состоялся, так как в центре и на местах началась «яростная охота» за социалистами-революционерами[50]. Нелегальные условия работы существенно повлияли на партийные контакты как внутри Всесибирского объединения, так и с ЦК ПСР. В 1920 г. краевой комитет принял резолюции по поводу войны с Польшей, об отношении к Крестьянскому союзу. В постановлении от 16 июня 1920 г. Сибкрайком категорически запретил членам Сибирского объединения ПСР «вступать и работать в возникшим за последнее время в Сибири беспартийном Крестьянском союзе»[51]. На Московском процессе 1922 г. Ф. Ф. Федорович говорил: «Характерно, что декларация краевого комитета, отдаленного от ЦК тысячью верст, не только не отличается по существу от декларации ЦК, но часто говорит буквально одними и теми же словами... Нет, мы в Сибири действовали все время согласно директивам партии»[52].

С 1921 г. директивы и информационные письма центрального органа эсеров стали приходить в Сибирь с большим опозданием, нерегулярно. Тактическая линия сибирских организаций ПСР в целом не противоречила линии ЦК, выраженной в директивах «Тактика партии в связи с крестьянским движением» (25 февраля), «Инструкция ЦК ПСР о лозунгах текущей работы» (11 марта)[53]. Десятый Совет партии (август 1921 г.) стал последним партийным форумом, на котором присутствовали представители от Сибири. Осенью 1921 г. эсеровские организации Сибири были поголовно разгромлены[54]. Всесибирский краевой комитет ПСР вынужден был перебраться на территорию Дальневосточной республики.

В июне 1920 г. эсеры сформировали Центральное Организационное бюро, куда наряду с членами Центрального комитета вошли некоторые влиятельные деятели партии[55]. С августа 1921 г. руководство в партии полностью перешло к бюро. К тому времени часть членов ЦК, избранных на IV съезде ПСР, погибли (И. И. Тетеркин, М. Л. Коган-Бернштейн), некоторые добровольно вышли из состава (К. С. Буревой, Н. И. Ракитников, М. И. Сумгин), часть выехали за границу (В. М. Чернов, В. М. Зензинов, Н. С. Русанов, В. В. Сухомлин). Оставшиеся в России члены ЦК ПСР почти поголовно сидели в тюрьмах. На X Совете ПСР Центральное бюро официально было признано высшим руководящим партийным органом «впредь до возобновления работы ЦК»[56].

В январе 1922 г. Центральное бюро ПСР утвердило заграничную делегацию Партии социалистов-революционеров в составе В. М. Зензинова, В. М. Чернова, И. А. Рубановича, Н. С. Русанова, В. В. Сухомлина[57]. Но этот орган, как, впрочем, и ЦБ ПСР, ни разу не касался проблем Сибири. Судебный процесс над Партией социалистов-революционеров (июнь — август 1922 г.) вылился в мощную антиэсеровскую кампанию на местах[58]. Последующие репрессии органов ГПУ парализовали всякую партийную деятельность эсеров. Впереди был последний год существования партии эсеров в Сибири — год организации и проведения партийных конференций, «самораспустивших» с подачи органов РКП(б) и ГПУ организации социалистов-революционеров на территории советской Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.
2. Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири в период Февральской революции // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976. С. 94; *Он же*. Эсеровские организации в Сибири в 1917 — начале 1918 г. (К истории банкротства партии). Томск, 1987. С. 55, 56.
3. Святыцкий Н. В. Отчет комиссии по Учредительному собранию при Центральном комитете Партии социалистов-революционеров // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 2 (Октябрь 1917 г. — 1925 г.). С. 237–239, 241, 244, 247–249, 256, 258.
4. Чернов В. М. Перед бурей: [Воспоминания] / Предисл. С. Сергеева. М., 1993. С. 361, 362; Протоколы Центрального комитета Партии социалистов-революционеров с комментариями В. М. Чернова // Вопр. истории. 2000. № 9. С. 18.

5. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5; Партия социалистов-революционеров. С. 368–370.
6. Там же. Д. 7. Л. 3.
7. *Лапандин В. А.* Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Самара, 1997. С. 8.
8. *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. С. 108.
9. Голос народа (Томск). 1918. 25 авг., 1 сент.
10. См.: *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 80, 81.
11. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3. Л. 77; Партия социалистов-революционеров. С. 396.
12. Письмо Н. Д. Авксентьева к с.-р. юга России от 31 октября 1919 г. // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 118, 119.
13. Обращение ЦК ПСР от 5 апреля 1919 г. «Ко всем партийным организациям» // Партия социалистов-революционеров. С. 441.
14. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–24.
15. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 8–8 об. (В целях конспирации и безопасности сопроводительное письмо ЦК ПСР было отпечатано на белой материи). Данный документ опубликован: Партия социалистов-революционеров. С. 454, 455.
16. Там же.
17. Листок «Дело народа». 1919. Июль. № 2. С. 4.
18. См. об этом: *Добровольский А. В.* Сибирско-Уральская конференция Партии социалистов-революционеров (апрель 1919 г.) // Между прошлым и будущим: Вопросы истории и исторического образования. Новосибирск, 2000. С. 130–139.
19. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.
20. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.
21. Там же.
22. Там же. Л. 6; Партия социалистов-революционеров. С. 597.
23. ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 66. Л. 2; Воля. 1921. 1 янв.
24. Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 275; Шиловский М. В. Переговоры Реввоенсовета 5-й армии и Сибревкома с делегацией Политцентра в Томске в январе 1920 г. // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического Отечества. Новосибирск, 1990. С. 44.
25. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.
26. Там же. Д. 2. Л. 66.
27. Там же. Д. 7. Л. 31; Партия социалистов-революционеров. С. 605.
28. *Шиловский М. В.* Указ. соч. С. 44.

29. Ширяев А. А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Сибирские огни. 1924. № 4. С. 133.
30. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 33.
31. Там же. Д. 2. Л. 67.
32. Там же. Д. 9. Л. 9; д. 7. Л. 35; Партия социалистов-революционеров. С. 609.
33. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 75.
34. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 75.
35. ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 930. Л. 2.
36. Б. И. Николаевский // Социалистический вестник. 1944. № 9–10. С. 116.
37. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 87; Д. 7. Л. 43 об.-44 об; Партия социалистов-революционеров. С. 616.
38. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 88.
39. Плотникова М. Е. Колчак и эсеровская «оппозиция» // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 177, 178.
40. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 416.
41. В некоторых работах указывается, что В. С. Панкратов вступил в ПСР в 1905 г. См: Леонов М. И. Эсеры в революции 1905–1907 гг. (Таблица 8 «Социальный состав руководящих органов партии эсеров в 1905–1907 гг.»). Самара, 1992. С. 185.
42. ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 506. Л. 61.
43. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Л. 72. Аналогичные тексты резолюций: Д. 23. Л. 65; Оп. 2. Д. 11. Л. 114.
44. Там же. Д. 8. Л. 72; Заря. 1919. № 15.
45. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Л. 72; Резолюция ЦК ПСР от 10 декабря 1918 г. приводится: Jansen M. Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива ПСР. Amsterdam, 1989. С. 196–197; Партия социалистов-революционеров. С. 418.
46. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Л. 72.
47. Там же. Д. 2. Л. 66; Д. 23. Л. 36 (рукописный текст).
48. Там же. Д. 23. Л. 75.
49. ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 848. Л. 2; Гудошников М. А. Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959. С. 142, 143; Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960. С. 86.
50. Год работы партии социалистов-революционеров в Сибири // Революционная Россия. 1921. № 5. С. 31; Партия социалистов-революционеров. С. 720, 721.

51. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 2. Д. 2. Л. 42.
52. Последнее слово Ф. Ф. Федоровича на Московском процессе социалистов-революционеров в 1922 г. // Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 34; Партия социалистов-революционеров. С. 921.
53. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 123, 124, 115–118.
54. См.: Кучемко Н. М. Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы НЭПа. Новосибирск, 1981. С. 103, 104.
55. Политические партии России (энциклопедия). С. 449.
56. Тезисы X Совета ПСР по организационному вопросу // Революционная Россия. 1921. № 11. С. 7; Партия социалистов-революционеров. С. 783.
57. Революционная Россия. 1922. № 14–15. С. 42.
58. См. об этом: Добровольский А. В. Суд над ЦК партии эсеров и антиэсеровская кампания в Сибири // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Межвуз. сб. науч. тр. 1994 г. Новосибирск, 1994. С. 51–63; Он же. Социалисты-революционеры Сибири: от распада к самоликвидации. Новосибирск, 1997. С. 33, 34.